

ПРОЛОГ

*Москва, площадь Дзержинского —
Красная Пресня — Лефортово;
16 октября 1941 года*

Около полудня в открытое окно второго этажа Народного комиссариата выглянул пожилой офицер с лихими буденновскими усами и тремя шпалами в малиновых петлицах. Вид у него был уставший, лицо — серое, озабоченное. Внизу, недалеко от парадного входа в НКГБ¹ стояла группа молодых сотрудников. Кто-то курил, кто-то негромко обсуждал напряженную ситуацию в столице.

— Николаенко! — офицер отыскал глазами нужного человека.

— Я, товарищ капитан государственной безопасности! — отделился от группы молодцеватый мужчина лет тридцати с одной шпалой в петлицах.

— Слушай сюда! Дуй в универмаг Мосторга на Красной Пресне. Там уже ждут. Загрузишь

¹ НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

большой сейф и прямым в Комиссариат путей сообщения.

— Это у Красных Ворот который?

— Верно. Там заберешь еще три сейфа. А уже оттуда рванешь на товарную станцию Лэфортово. Сдашь ценный груз майору милиции Мишину — он отвечает за погрузку спецшело-на. Задачу уяснил?

— Так точно. Одной полуторки хватит?

— Поезжай на двух. Три сейфа небольшие, а четвертый — как сообщили из Мосторга — неподъемный.

Козырнув, лейтенант Николаенко быстрым шагом направился от парадного подъезда Управления на прилегающий Фуркасовский переулочек, где стояла в готовности длинная вереница грузовиков.

— Карташов! Уборевич! — крикнул он.

— Да, товарищ лейтенант, — отозвались водители.

— Заводи. Поехали...

Накануне по Москве, словно черви после затяжного дождя, стали расползаться скверные слухи о предстоящей сдаче города, о том, что немец скоро войдет со стороны западных окраин. Слухи не были чьей-то фантазией или злонамеренной диверсией. Они родились естественным образом после публикации в центральных газетах

постановления «Об эвакуации столицы СССР», в котором сообщалось об отъезде из Москвы правительства во главе с товарищем Сталиным. Одновременно люди шептались, что станции метро и заводы, оборудование которых не успели вывезти, заминированы и будут взорваны, как только немец вплотную подойдет к столице.

16 октября в Москве началась настоящая паника. Остановил работу Московский метрополитен, закрывались промышленные предприятия и магазины, городское и районное руководство спешно уничтожало секретную документацию и покидало город.

* * *

На Красной Пресне пришлось подождать. Сейф и вправду оказался огромным. Точно такие же Николаенко видел в секретной части Комиссариата и в некоторых оружейных комнатах. Четверо привычных к физическому труду рабочих кое-как вытащили сейф из здания универмага Мосторга и, поругиваясь, спускали по ступеням крыльца. «Явно не пустой!»

Водитель первой полуторки сорокалетний сержант Карташов прыгнул на асфальт и пошел откидывать борт. Не усидел и Николаенко: толкнув легкую фанерную дверцу машины, побежал помогать рабочим.

Впятером стало полегче. Дотащили махину до грузовика, на раз-два-три приподняли до уровня кузова, поставили угол на край, дружно затолкали. Внутри стального монстра что-то перекатывалось и осыпалось, словно кто-то решил подшутить и сыпанул в него пуда два песка с мелким гравием.

Тут же появилось местное начальство — полный товарищ с лысой головой и маленькими бегающими глазками.

— Прошу засвидетельствовать в двух экземплярах, — подсунул он пачку машинописных листов, — что приняли от меня сейф под инвентарным номером 1172 с полной описью содержимого.

Сверять опись с фактическим содержимым Николаенко не стал — не было времени. Пристроив бумагу на крыле полуторки, он дважды разборчиво написал должность, звание, фамилию, дату. Поставил убористую подпись. Один комплект документов вернул начальству, второй сунул в небольшую планшетку и залез в кабину.

— Поехали.

— Куда дальше, товарищ лейтенант?

— Красные Ворота. Комиссариат путей сообщения.

Натужно загудев мотором, автомобиль покати́л в сторону центра. Не отставала и вторая полуторка, кузов которой пока еще оставался пустым...

Общественный транспорт в этот день не работал. Однако в попутном направлении — на восток — двигался плотный поток: грузовики, легковушки, гужевые повозки. Какие-то из них, несомненно, спешили по своим обыкновенным делам. Но большинство были набиты узлами, чемоданами, домашней утварью. Встречались даже тележки с вещами, которые граждане толкали вручную. Тротуары также были заняты сплошным людским потоком, устремившимся к московским железнодорожным вокзалам.

16 октября 1941 года надолго останется в памяти москвичей. И называть они его будут Днем Великого Драпа.

* * *

У Красных Ворот загрузились быстро. Три небольших сейфа с кассой и документацией партийной организации Комиссариата уже поджидали на тротуаре возле здания НКПС¹. Вдоль сейфов нервно прохаживался мужчина в косоворотке под светло-серым летним костюмом. «Будто на летний курорт намылился», — невольно отметил про себя Николаенко, выпрыгивая из кабины.

¹ НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

Мужчина и два водителя закинули сейфы в кузов второй полуторки. Лейтенант расписался за принятый груз, козырнул и дал команду ехать на товарку в Лефортово...

От Красных Ворот выскочили на шоссе Эн-тузиастов и снова оказались в густом потоке покидавших город автомобилей. Так и плелись в нем, покуда не свернули к станции.

— Не пойму, наши, что ли?.. — кивнул Карташов на маячившие впереди грузовики.

— Наши, — нехотя отозвался лейтенант. — Тоже, видать, везут что-то ценное для погрузки в спецэшелон.

В кузове «ЗИС-5», что чадил сизым выхлопом в сотне метров впереди, покачивался огромный несгораемый шкаф, почему-то установленный вертикально. Положить его плашмя по каким-то причинам не дозволялось, а привязать было нечем, оттого водитель не гнал и старательно объезжал неровности.

Обе полуторки Николаенко пристроились за «ЗИСом». Ехать до ворот товарной станции оставалось не более пяти минут...

* * *

Держась за оконный обрез автомобильной дверцы, лейтенант раздумывал о том, что ожидало его и команду таких же офицеров дальше.

Сколько еще придется за остаток дня сделать рейсов по пустеющему городу? Какой будет приказ начальства после окончания этой сумасшедшей гонки? Удастся ли ночью хоть немного поспать?.. Скоро город накроют сумерки.

Николаенко весь день провел в разъездах и ужасно устал. Вопросов из-за непростой обстановки накопилось много. Ответов на них не знал никто.

На повороте, в квартале от лэфортовской станции хоровод тревоживших вопросов утих сам собой — подъезжали к месту, где требовались оперативность и напор, а не ленивые мысли. К тому же помог вернуться в реальность дворник, монотонно возивший метлой по пыльному тротуару. Глядя на него, Николаенко подивился: «В городе паника, народ бежит, а этот метет свой участок! Правда, на дворника он мало похож — ни фартука, ни рукавиц. Да и метла жидковата...»

Сомнения появились не на пустом месте, однако развить мысль лейтенант не успел — от забора к машине метнулась тень. Он не успел толком ничего понять, как на подножку запрыгнул гражданский тип и сунул руку внутрь кабины. Такая же фигура заслонила свет и со стороны водителя.

Острая боль пронзила шею, правую сторону головы и плечо.

— Ах ты, гад!.. — воскликнул лейтенант. Однако своего голоса не услышал. Вместо отчетливых слов из горла вырвался хрип.

Тип между тем нанес второй удар, третий.

Николаенко уже понял, что в руке нападавшего поблескивало лезвие ножа. Правая ладонь, скользнувшая было к кобуре, безвольно повисла. Голова упала набок. Сознание угасало.

— Тормози! — раздался грозный окрик.

* * *

Полуторка стояла в узком безлюдном переулке между глухой стеной кирпичного дома и палисадником с пожелтевшей акацией. От места нападения она отъехала всего на несколько кварталов. Под низеньким деревянным забором лежали окровавленные тела двух раздетых сотрудников НКГБ — лейтенанта Николаенко и сержанта Карташова.

— Лёва, просил же, аккуратнее! Вся гимнастерка уделана! — ворчал главарь, оглядывая только что надетую форму.

— Да ладно, Паша! — виновато гудел тот. — Нам делов-то осталось — налить да выпить. Прорвемся...

Второй давний поделщик Барона — выходец с Кавказа по имени Ибрагим — неторопливо управлял на себе форму убитого водителя. Тре-

тий, самый молодой участник налета, томился в кузове и, воровато озираясь по сторонам, следил за обстановкой. Из-за неопытности он был бледен и перепуган.

Барон подхватил с пыльной травы офицерскую планшетку:

— Готовы? Едем!

Оставаясь в своей гражданской одежде, Лёва уселся за руль. Рядом с ним устроился ново-явленный «лейтенант» со шпалой в петлицах¹. Новичок Петруха улегся в кузове, чтобы его не было видно с улицы. А Ибрагим, наоборот, привалился к борту и выставил на всеобщее обозрение свою форму с малиновыми петлицами.

Заурчал мотор. Полупорка резко тронулась с места, отчего тяжелый стальной сейф поехал к заднему борту, двое бандитов кинулись его удерживать.

Тяжело раскачиваясь на кочках, грузовик до-ехал до ближайшего перекрестка и исчез за по-воротом...

¹ Лейтенант со шпалой в малиновых петлицах — до 1943 года знаки различия сотрудников Госбезопасности и рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР были на две ступени выше, чем у соответствующих званий в РККА. Лейтенант НКГБ вместо двух «кубарей» носил одну «шпалу».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Москва, Белорусский вокзал —
Московская область,
железнодорожная станция Одинцово;
14 августа 1945 года*

Августовский день выдался на редкость жарким. Солнце стояло в зените, листва на деревьях почти не шевелилась. Поливальные машины, о существовании которых за время войны москвичи успели подзабыть, проезжали по улицам трижды в день. Они обильно орошали раскаленный асфальт влагой, но толку от этого было мало. Лишь после вечернего прогона на дорогах и тротуарах около получаса серебрились лужицы и легче дышалось. Потом снова до середины ночи накатывала невыносимая духота.

Сергей Аристархов сидел за рулем своего трофейного «Опеля», стоявшего рядом с мостом через железнодорожные пути. Прямо по курсу виднелась широкая улица Горького, влево уходили Бутырский Вал и Лесная, справа бурлил поток пассажиров и встречающих у двух широких входов в Белорусский вокзал.

Немецкий Opel P4, собранный на заводе в Рюссельсхайме в 1935 году, достался Аристархову по случаю. Он перекупил его у знакомого полковника НКВД. На момент покупки автомобиль находился в жалком состоянии: был потрепан, без стекол, без фар, с порванным передним сиденьем. За ремонт пришлось отвалить сумму, сопоставимую с ценой всего авто. Интерьер машины привели в порядок, вмятины выправили, вставили новые стекла, кузов покрасили. Раньше он был светло-серым с черными крыльями, теперь стал весь темно-серый. А вот с двадцатитрехсильным мотором механик ничего поделывать не смог: такой тип двигателей был выпущен в Германии в начале 1930-х годов небольшой серией. Сейчас к нему не найти ни ЗИПов, ни запчастей. Мотор часто капризничал и потреблял вместо положенных десяти литров на сотню все пятнадцать. При езде по столице полного бака зачастую не хватало и на день. Каждый раз, подливая в горловину масло, Сергей вздыхал, вытирал ветошью подтеки и опускал боковую крышку капота...

Сегодня Аристархову было не до капризов мотора и его прожорливости. Он курил и беспрестанно оглядывался на улицу Горького. Именно оттуда на площадь Белорусского вок-

зала должен был вырулить знакомый «ЗИС-101А». Сергей заранее продумал детали операции, но все равно немного нервничал. Вдруг опоздают? Вдруг перепутают час отправления поезда или забудут дома документы? Мария слишком молода и ветрена. А ее супруг на ответственной должности — весь в делах, весь в работе. Мало ли...

Но он привык не выказывать внутреннего состояния и высматривал нужных людей с деловитым спокойствием.

Залитая солнцем площадь лежала точно на ладони. Сергей не замечал ни палящего зноя, ни обжигавшего ветерка, врывавшегося в открытые окна. Он ждал «ЗИС», и ничто в этот час не могло его отвлечь.

Наконец тонкие губы тронула едва заметная улыбка.

Нет, они ничего не забыли. И пока не перепутали. Вслед за вереницей маршрутных автобусов на площадь неторопливо въехал советский представительский автомобиль. Номерного знака Аристархов не разглядел, но сразу узнал машину. Такие возили по Москве персон исключительной важности — от заместителей наркомов и выше.

Выбросив в окно окуроч, он подался вперед; лицо его окончательно просветлело.

— Слава богам! — резко выдохнул он, пытаясь сбросить напряжение. — Первая часть плана сработала...

«ЗИС» по-хозяйски остановился точно против левого входа в вокзал. Многочисленные такси могли останавливаться здесь лишь на пару минут — за данным порядком ревниво наблюдал постовой. Автомобилей с номерными знаками Совнаркома подобные запреты не касались. А именно такие знаки красовались на отполированных до безупречного блеска бамперах подъехавшего авто.

Упитанный мужчина среднего роста с зачесанными назад редкими бесцветными волосами покинул кабину; позабыв открыть дверцу супруге, он сразу направился к багажнику. Водитель суетливо подбежал и помог выбрать из машины красивой молодой женщине в светлом легком платье, затем принялся вытаскивать из багажника светло-коричневый фибровый чемодан. Вскоре супружеская пара влилась в людской поток и исчезла за парадными дверями вокзала. «ЗИС» остался ждать на площади...

Аристархов посмотрел на часы. До отправления поезда Москва — Смоленск оставалось чуть менее получаса. По большому счету, дел здесь больше не предвиделось. Он убедился, что Ана-

стас Мирзаян вовремя доставил супругу к поезду. Не было сомнений и по поводу того, что через десять минут молодая женщина поднимется в мягкий вагон и займет свое место.

Аристархов нажал на педаль стартера, завел мотор, но уезжать не торопился. Тонкие губы снова растянулись в усмешке: сегодня впервые удалось увидеть их рядом. Марию с идеальной внешностью и с кошачьей мягкостью в каждом движении. И ее мужа — полного, рыхлого, престарелого субъекта с манерами торгаша из мясных рядов.

Сергей положил руку на рычаг переключения скоростей. И снова передумал. Уж больно хотелось дождаться возвращения «толстого борова», как он окрестил Мирзаяна. Чтобы все было точно, наверняка.

Боров появился под широким навесом левого входа довольно скоро. Даже в невыносимую жару он не снимал пиджак дорогого костюма, сшитого на заказ в известном ателье на улице Куйбышева. Вытирая на ходу платком покатый лоб, он протиснулся сквозь толпу и направился к автомобилю.

— Вот теперь в самый раз. — Аристархов нажал на педаль сцепления и включил первую скорость.

* * *

Тридцатилетний Сергей Сергеевич Аристархов был отставным майором НКВД. Начинал он службу в ОГПУ¹ Рязани; получив первое офицерское звание, перебрался в Москву. С начала войны и до апреля 1942 года защищал столицу в составе стрелковой дивизии НКВД, за проявленный героизм получил орден Красной Звезды.

После того как немцы были отброшены на запад, Аристархова вернули в структуру оперативного отдела, где ему приходилось заниматься охраной членов правительства и руководства партии, арестами, обысками, наружным наблюдением. Служакой он был исправным, дела и карьера шли в гору. За короткий срок стал майором и обладателем хорошей квартиры в ведомственном доме на улице Герцена.

Внешностью Аристархова бог наделил знатной. Красавчик — с какой стороны ни погляди. Высок, статен, подтянут, на голове копна волнистых волос цвета темного каштана. Лицо с правильными и строгими чертами, над верхней губой тонкие усики. С такого лица впору было писать плакаты. Ежели надевал мундир, так

¹ ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР. В 1934 году вошло в состав НКВД СССР.

встречные барышни на улице забывали, куда шли. Впрочем, и гражданские костюмы сидели на нем как на самых именитых артистах советского кино.

Любили его женщины. Ох как любили! На том и погорел.

Был он закоренелым холостяком, жил в неплохо обставленной отдельной квартире. В конце 1944-го Сергей одновременно крутил романы с тремя видными дамами, среди которых значилась и ведущая актриса театра имени Ермоловой, обладавшая редкой персидской красотой. Актриса была востребована не только в театре, где играла первые роли, но и за его пределами. Некоторые партийцы и чиновники были не прочь познакомиться с ней поближе, но она предпочла молодого красавчика в чине майора.

Аристархов шибко увлекся любовными играми и настолько уверовал в безнаказанность своих походов, что в какой-то момент забыл об осторожности. Забывчивость привела к тому, что он завязал знакомство с четвертой особой, оказавшейся супругой начальника Специального отдела ОГПУ. Занимаясь шифрованием, отдел обеспечивал секретность в различных ведомствах, а потому его начальник слыл очень влиятельным человеком. Настолько влиятельным, что с момента, когда он узнал о похождениях супруги, и

до момента увольнения из рядов молодого майора Аристархова прошло не более двух часов.

«Радуйся, что легко отделался, — буркнул тогда шеф, подписывая обходной лист уже бывшего майора. — А мог бы отправиться на край света добывать сырье для нашей бумажной промышленности...» Шеф знал, что говорил, ведь отныне жизнь Аристархова не стоила и плевка.

Но случилось чудо. Он не только не пострадал, но и остался на свободе. Более того, его даже не вышвырнули из ведомственной квартиры. Про купленную по случаю дачу в Подмоскowie, слава богу, никто не знал.

Увольнялся Сергей без пенсии, без выходного пособия. Сдав оружие, документы и форму, призадумался. Сбережений не имелось, так как привык жить на широкую ногу. А как же иначе? На свидания с первыми красавицами столицы в потертом пиджачке не походишь и в заводскую столовку их не потащишь. Вот и уходило все офицерское жалованье на добротную одежду и рестораны. Теперь надо было как-то устраиваться, искать подходящую работу.

Помог случай. У пожилого соседа по лестничной клетке, некогда занимавшего должность в ГУПО¹, воры вскрыли во дворе гараж и увели

¹ ГУПО — Главное управление пожарной охраны.

мотоциклет. Для деда-пожарника это стало все-ленской трагедией. Милиция подобными мелочами практически не занималась — в те времена в Москве действовали организованные банды, донимавшие преступлениями посерьезнее. В общем, решил Сергей по-соседски пособить и, используя наработанный оперативный опыт, провел расследование по горячим следам. Ровно через сутки мотоцикл снова стоял в гараже, а совершившие кражу юные оболтусы отправились в ближайший РОМ¹. Дед был счастлив и едва ли насильно всучил сыщику пятьдесят рубликов.

«А почему бы не заделаться частным сыскарем? — подумал тогда Аристархов. — Если не отправят на фронт, надо будет попробовать...»

* * *

Вечерело. Солнце спряталось за крыши домов, невыносимая жара отступила. Машин на улицах Москвы становилось все меньше, а народу, наоборот, прибывало.

Покинув площадь Белорусского вокзала, Сергей доехал до Садового кольца и повернул на Смоленскую улицу. Далее по Можайскому шоссе предстояло промчатся два десятка километров до железнодорожной станции Одинцово,

¹ РОМ — районный отдел милиции.

где пассажирский поезд Москва — Смоленск делал вторую остановку. Поезд только отошел от вокзала, но Аристархов все равно давил на педаль газа и прибавлял скорость...

На станцию, как и предполагалось, он прибыл раньше пассажирского состава. Остановив автомобиль на небольшой пыльной площади рядом с водонапорной башней, Сергей хотел покурить, но почувствовал, что затекли ноги. Пора было размяться.

Прихватив папиросы, Аристархов вышел из машины, отряхнул наглаженные темные брюки, поправил воротник белой сорочки и побрел к длинному пустовавшему перрону, тянувшемуся вдоль одноэтажного станционного здания...

Сидя на деревянном диванчике и дымя папиросой, он с наслаждением представлял милые черты Марии, ее озорные глаза, мягкий грудной голос и не заметил, как вдали над восточным горизонтом появился дымок. В безветрии раскаленного воздуха он поднимался однообразными клубами вверх и, лишь достигнув высоты, ломался невидимым потоком, ложился набок и растекался по-над полями и оврагами деревеньки Глазынино.

Из забытья его вернул хрип громкого-ворителя. Торопливый женский голос извещал о скором прибытии на первый путь поезда Москва — Смоленск.

Сергей бросил в урну окурок, встал, привычно оправил одежду и посмотрел вдоль путей. Обдавая округу белесым паром, по блестящему стальному полотну катил паровоз.

«Слава богам! — вздохнул Сергей и вдруг ощутил новый прилив волнения. — Ого! — подивился он. — Уж не влюбился ли я в эту девчонку?..»

Громяхая на стыках и поскрипывая тормозами, мимо катились пассажирские жесткие вагоны. Следом поплыли мягкие купейные, именуемые в народе «егоровцами», так как выпускались на Ленинградском вагоностроительном заводе имени Егорова. Аристархов ловил взглядом таблички с номерами и поджидал девятый...

Нужный вагон остановился неподалеку. Пригладив ладонью непослушную шевелюру, Сергей решительно направился к раскрывшейся двери рабочего тамбура.

В двух шагах от темневшего дверного проема его опередил хорошо одетый проворный мужичок с подростком — то ли сыном, то ли внуком. Он попытался было посадить пацана на нижнюю ступеньку лестницы, но появившийся пожилой проводник в форменной фуражке строго осадил мужичка:

— Минутку, гражданин! Дозвольте сперва покинуть вагон!

И посторонился, пропуская молодую пассажирку.

«Она! Не испугалась, не передумала! — застучало в висках Аристархова. — Смелая женщина. И до чего же прекрасна!..»

Приняв чемодан, он подал ей руку, помог сойти на перрон. Взяв Марию под локоток, провёл её мимо обалдевшего мужичка. До этого на станции Одинцово из московского поезда никто не выходил — слишком уж накладно было ехать в мягком купейном вагоне каких-то двадцать пять верст. В окна вагона таращились не менее удивленные пассажиры, пугая и вгоняя в краску и без того смущенную женщину.

— А теперь вы. Дозвольте ваши билетики. — Седой проводник поддерживал установленный порядок.

Мария была бледна, лицо её в ту ужасную минуту не выражало ничего, кроме стыда и испуга; грудь под легким платьем вздымалась глубокими вдохами; руки не находили места. Не оставалось сомнений в том, что она раскаивалась в недавней решимости и жалела о кротком и тихом «да» в ответ на предложение обаятельного сердцееда. Каким же невыносимым безумием вдруг повеяло от их затей! Ещё вчера Мария сгорала от нетерпения, подгоняла время и проигрывала в мыслях эту встречу. Сейчас же

все внутри перевернулось, дыхание сбивалось, а глаза заволокло слезами.

Однако менять что-либо было поздно. Прозвучал высокий паровозный гудок, звякнули вагонные буферы. Поезд медленно тронулся и, дыша паром, унес бывших попутчиков дальше в западном направлении — в город, где проживала родная сестра Марии — Ольга.

* * *

Неприметная железнодорожная станция Одинцово осталась позади, за окнами автомобиля поплыли стройные ряды березок и сосен. Ехали небыстро. Дорога была ухабистой — от положенного еще до войны асфальта остались разве что редкие островки.

Сжимая в кулаке белый платок, девушка глядела вперед, не решаясь повернуть голову. Наконец, не выдержав тягостной тишины, спросила:

— Почему ты молчишь? Ты считаешь меня легкомысленной? Мне, наверное, не следовало выходить из поезда...

Сергей не ответил. Сбросив газ и выключив скорость, он остановил машину, повернулся к милой спутнице и с любовью посмотрел в ее влажные карие глаза. Затем провел ладонью по золотистым волосам и надолго прильнул к прохладным губам...

Его нежность и жаркий поцелуй оказались тем чудодейственным средством, которого Марии сейчас так не хватало. Разом ушло томившее в груди беспокойство, бесследно растворился липкий страх. Сердечко пустилось отбивать совсем иные ритмы, возвращая уверенность в благом исходе их невероятно смелого поступка.

* * *

До захода солнца оставалось часа два. Серый «Опель» упрямо держал курс на запад по шоссе, проложенному вдоль железной дороги. У большого села Жаворонки Сергей свернет с шоссе и поедет на юг по довольно плохонькой и пустынной дороге. Замысловатой дугой она приведет их точно в Троицкое.

В открытые окна врывается теплый ветерок, лаская золотистые локоны Марии. Она понемногу привыкала к обществу сидевшего за рулем уверенного в себе мужчины. Их знакомство длилось третью неделю, столь долго оставаться наедине им еще не приходилось.

Аристархов всячески старался отвлечь спутницу от тяжелых мыслей: шутил, смеялся. Она все чаще улыбалась. Лицо ее просветлело, щеки окрасились живым румянцем.

Радовался этому и Сергей. Покоя не давала единственная техническая проблемка: стрелка

топливомера была словно живой, буквально на глазах приближаясь по изогнутой шкале к маленькой цифре «0». Именно она — эта чертова стрелка — нервировала и не давала в полной мере насладиться предвкушением скорой близости с Марией.

На свою любимую дачу в Троицкое Сергей чаще ездил напрямки через Черемушки и Теплый Стан; на заправке в Стане он в обязательном порядке подливал топливо в бак. Если же заканчивал дела на севере столице, то выруливал через Одинцово и Жаворонки, чтоб не куролесить среди городских кварталов. На этом маршруте бензозаправочная станция имелаь на окраине села Жаворонки. Не дай бог забыть, проскочить мимо — стой потом на обочине пустой дороги и выпрашивай пяток литров у редких попутных грузовиков.

— Надо завернуть, — сказал он девушке, увидев впереди знакомое строение с двумя бензоколонками.

Подрулив к одной из них, Аристархов направился к окошечку, за которым всегда сидела полная женщина лет сорока пяти. Она носила очки с толстыми линзами и любила полистать хорошую книжицу, пока редкий клиент не отвлекал ее от этого благодного занятия.

— Добрый вечер. Сорок литров, пожалуйста. — Сергей подал ей купюру с мелочью.

Женщина очнулась, отложила книгу. Взглянув на водителя, поздоровалась. И приступила к работе...

Половину купленного топлива Аристархов залил в бак, половину — в стальную канистру, которую вынужден был возить в маленьком багажнике. Вернувшись на водительское место, вытер платком руки, завел мотор, вырулил на асфальт и повел автомобиль к съезду на пустынную дорогу...

* * *

Спустя некоторое время Мария спросила:

— Сколько нам еще ехать?

— Почти прибыли, — кивнул Сергей на приближавшийся указатель.

— Рабочий поселок Троицкий. Дом отдыха «Красная Пахра». ДСК «Советский писатель», — прочитала она. — Никогда здесь не бывала...

Северная окраина поселка произвела на девушку ужасное впечатление. Пыльная дорога, по обе стороны которой стояли неопрятные барачные постройки. Чадающая труба котельной, куца растительность, мусор, забвение. Когда им навстречу попала компания подвыпивших и плохо одетых мужиков, Аристархов поморщился:

— Работяги с камвольной фабрики. Они обитают в фабричном поселке. В центр и в «Советский писатель», слава богам, не суются...

Проехав центр поселка, застройкой и чистотой походивший на небольшой городок, автомобиль пересек по гулкому деревянному мосту неширокую речушку и нырнул в густую зелень бесконечных садовых участков. После относительного простора парочка будто оказалась в сумрачном лесу, где взгляд то и дело натыкался на густую листву кустарника и деревьев. Иной раз заросли расступались, обнажая высокие заборы, резные фронтоны или крашенные балясины балконов и лестниц.

Миновав несколько кварталов по узенькой грунтовке, «Опель» остановился напротив заросших ранним хмелем ворот.

— Здесь твоя дача? — Мария с любопытством оглядывалась на разнообразные по форме и высоте домики.

— Да, это и есть дачный поселок «Советский писатель». Тут всегда тихо, чистый воздух, красивый берег реки, поросший ивами и камышом. И до центра Троицкого недалеко.

— А нас тут не найдут?

Сергей засмеялся:

— Вряд ли. О моей даче не знает никто — ни пара оставшихся в Рязани родственников, ни бывшие коллеги по службе...

Он отомкнул висящий на цепи замок, распахнул тяжелые створки и загнал машину внутрь обширного участка. В глубине его темнел двухэтажный дом, рядом стояла беседка с круглой крышей. А вокруг шумел листвой старый сад. К дому петляла узкая тропинка из мелкого серого гравия.

— Не стесняйся. — Аристархов помог спутнице выбраться из машины.

Через минуту они поднялись по короткому крыльцу на застекленную веранду, где пахло пылью и сушеными яблоками. По застеленному белой скатертью столу беззвучно скользила солнечная рябь от листвы фруктовых деревьев.

— Божественно, — прошептала девушка. — До чего же тут спокойно, уютно. Как в деревне моей покойной бабушки.

Где-то на соседнем участке залаяла собака. С участка через дорогу ей ответила другая. Мария насторожилась:

— А соседи про нас не узнают?

— Здесь никому нет дела до соседей, — обнял ее Сергей. — Участки большие и огорожены высокими заборами. Хозяева — известные люди, в основном писатели. Любят принимать гостей и весело проводить время. Так что им не до нас...

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Москва, Петровка, 38;
август 1945 года*

— ...Да пойми ты, Саня, бесполезно! Уговоры, штрафы, несколько суток в камере для профилактики... Отсидит этот обормот, вернется, и вся бодяга начнется по новой.

— Но он же ее в конце концов забьет до смерти.

— Скорее всего, так и будет, — пожал плечами Иван.

— Ты так спокойно об этом говоришь! — искренне подивился Васильков. — Она все-таки человек, гражданин нашей страны.

Старцев повернулся к товарищу:

— Ты у нас, Саня, без году неделя работаешь, поэтому у тебя и реакция на все слишком прямолинейная. Честная, но прямолинейная. Да, она — человек, гражданин. Возможно, в прошлом комсомолка, а ныне член партии. Только ничем в этой ситуации помочь не получится, потому что она сама того не желает. Да что я тебе рассказываю — ты сам все видел.